

18+

Иван Андреевич Новиков

БЕЛАЯ РЕКА

СТИХИ

Иван Новиков
Белая река. Стихи

«Издательские решения»

Новиков И. А.

Белая река. Стихи / И. А. Новиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932055-1

Черно-белая книга в цветной мягкой обложке. Слово меняет мир, а иначе зачем нам речь? Цель и суть этой книги — изменить мир к лучшему. Пусть белая река речи унесёт вас туда, где невероятное возможно, потому что именно вера в сказку позволяет изменить мир, сделать его сказочнее, а значит, добрее и чище.

ISBN 978-5-44-932055-1

© Новиков И. А.
© Издательские решения

Содержание

От льдинок идеала...	6
«Однажды, не счесть уж, в какую пору...»	7
Гордиев узел	8
Послушай, посмотри...	9
Никогда не умираем...	10
«Земля живёт, плюя на космос...»	11
«Встал вот так...»	13
«Тише... тише... Звук совсем исчез...»	14
«В день забытых телефонов – все ушли...»	15
Так будет – пусть!	16
Свечка	17
Бог вращает остов Земли...	18
Слова, как будто насекомые...	19
«Невыразимая строка ворочается, бьёт по рёбрам...»	20
Кубику Рубика	21
Камертон	22
Осеннее	23
Ноябрит	24
Да будет Снег	25
«Зима с восьмого этажа...»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Белая река Стихи

Иван Андреевич Новиков

Фотограф Екатерина Игоревна Лобода

© Иван Андреевич Новиков, 2023

© Екатерина Игоревна Лобода, фотографии, 2023

ISBN 978-5-4493-2055-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От льдинок идеала...

Быть может ждёт меня моя
Весна, я – полуневменяем. И
Смотрю на тонкость стрелок
Часов. Временемеры

Отсчитывают тики пульсацией
Невидимой, собою возвещая:
Всё ближе с каждым часом
Весна моя родная.

Заснежит – направления,
Уснут – под одеялом,
Но вновь – временемеры
Разбудят сонных, пьяных,

Чтоб ждали – с нетерпением,
А холод – подгонял их.
К весне, к весне – забвения
От льдинок – идеала...

«Однажды, не счесть уж, в какую пору...»

Однажды, не счесть уж, в какую пору,
Два сна раскачались на лёгком ветру.
И ветрами ветхими, древними, старыми,
Быть может, со временем, сны эти стали бы.

Но ветры – они по-другому устроены,
Ведь ходят и вьются не сонмами стройными,
И алчут, и жаждут дыханьем чужим
Пронести бесконечность, назваться родным.

Но речь не о ветрах. О снах. Мне позвольте
Сказать Вам о том, что были те сны
Мечтаний и грёз беспристанным осколком,
Что формы миров для них были тесны.

Один сон – о Принце На Белом Коне.
Другой – о Самой Прекрасной Принцессе.
Любили друг друга они, когда б не
Было им тесно в мечтаниях лестных.

Они – всё рвались во дали безвестные,
Блуждали в сознаниях и умах.
И как-то со временем, ласкою, песнями
Завладевали душою. До дна.

Но время всё шло. Пески рассыпались
И реки меняли движенье своё,
А сон – лишь туман. Когда просыпались,
Люди выросли. Чего же ещё?

Все сны да туманы рассыпятся прахом
И спящий проснётся когда-нибудь.
Ты только скажи: «Иду ровным шагом.
Всем снам – своё время. Я жизнь не просплю».

Гордиев узел

Гордиев узел, завязанный нежностью,
Пусть не развяжется – значит разрежется,
Пусть разрядится на воздух разреженный
Молния ласки горячей, безберезной.

Движеньем тихим и острым, но бережным
Откроется тайна приюта сердечного...
Верь же мне, верь же мне, верь же мне,
Верь... В поиске вдоха, жизненных мер

Пусть мерою станет пульсация вен...
Я выхожу из-за холода стен.
Если дыхание нежностью душит, то
На стене для тебя есть оружие.

Гордиев узел, завязанный нежностью,
Пусть не развяжется – значит разрежется,
Пусть разрядится на воздух разреженный
Пуля из ласки горячей, безберезной.

Послушай, посмотри...

Послушай, посмотри, один – умножь на три. Зашей сердечной раной безумья дикость, странность. И сон в цветных полотнах, и тихая охота. И громкие печали корнями закрепили. И ты открыла нежность, душа забыла старость, и воздуха поспешность, дышащая дарами от трёх – из фимиама (Христа убила рана), твоё – теперь без рамок, прочувствуй эту жизнь:

Когда бы я не чаял, когда бы ты не знала, то жить душе отчаяньем до горного обвала.

Уходит, за плечами, озябшая усталость.

И дышит диким небом духовное родство.

Ты не раба успеха, ты не дитя удачи, но мне с тобою очень «не просто повезло».

С уставшими телами, с потухшими умами (бывает так в начале), но чувствуем друг к другу первичное тепло.

Никогда не умираем...

Снова жётся грудь неврозом: ничего не изменилось.
Я – рождён из парадоксов. Ты – проявленная милость.
Объясни мне, что за вечер, белый вечер в тёмном море...
Я – запомню красноречье, ты – умножишься покоем.

Ты – причина разделенья. Бытия – на до и после...
Настоящий, неподдельный я с тобой вдыхаю воздух.
Ты божественная сущность. Я деталь от механизма,
Но с тобою жить искусство постигается и в жизни

Клеткой став, её дыханьем... Никогда не умираем...

«Земля живёт, плюя на космос...»

Земля живёт, плюя на космос,
Шар выворачивая в плоскость,
И согласившись на третью от,
Соглашается на... небесную ось

И если я не сдохну здесь от
Скуки (великовозрастный идиот),
То, конечно же, умру на, как
В песнях старых, где есть она.

Где есть? Где пить? Где суть?
Где конец, наконец, и рать
Ангельская? И почему вдруг,
Становится так насрать

На это пёс, что из созвездий
Нам принёс плохие вести:
Вот небесная ось. Повесьте
Постером. Он чудесный,

Обоями на смартфоне, мечтой
О сборе или соборе святого
Коллайдера-фазотрона,
А на движке асинхронном

Социальная сеть ловит звёзды.
Живёт Земля, плюя на космос,
Асоциальность, асинхронность...
(Пока у соли обратный осмос)

И по какой теперь воде пойдёт
Христос, когда космическая эра
Свернулась and to their cost¹
На яблочном укусе эппла

От непознания греха остался
След? Интерстелларностью
Чудес не оставляя места чуду.
И я не лучше. И я там буду.

Конечно, кончусь, на третьей от,
Но передам на сухой морзянке,
В планету эту ложась костями,

¹ англ. И по их горькому опыту.

Пространством этим живёт любовь.

Как до меня здесь передавали,
Нас ожидают большие дали,
Собравшись плотно, нас ждут всерьёз,
Плюёт от жажды Земля на космос.

Но он любовью переживёт.

«Встал вот так...»

Встал вот так
в треугольнике:
острыми
углами!
Дайте —
комами
в горле я,
в этой трубке
Дыхательной
Встал бы!

«Тише... тише... Звук совсем исчез...»

Тише... тише... Звук совсем исчез.
Бьётся сердце с точностью хирурга.
Взгляд – упор, движение – разрез.
Временем – от утра и до утра.

Есть на белизне больничных стен
След от многих жадных, страшных взглядов.
Знать о будущем – целителя удел.
Говорить, когда уже не надо...

Белизна раздавит имена – имена
Писались чёрным цветом. По
Бумаге желтизна ползла тогда,
По тебе – с бледнеющим оттенком

Вены, дрожь – сплетение тоски,
Страха, ожидания и нежности.
Не коснувшейся ещё моей руки,
Делающей воздух чуть разреженным:

Так с грозой рождается озон. Так
И ты – с грозой на тонких пальцах
Ждёшь из слов решающий разряд,
Думаешь – душишь врача, обняться?

Я беру у Бога время в долг.
И любви ещё, совсем немного.
Чтоб хватило, чтоб дожили, чтобы в срок!
Смотришь... Нежно, ласково и строго...

«В день забытых телефонов – все ушли...»

В день забытых телефонов – все ушли...

Лишь оставив за собой забытые
Звонки и телезвуки, не убитыми
Стеной и скоростью они лежали
На столах и полках. Жаль ведь?

В день забытых телефонов – память жжёт...

Неумолимой повторяемостью душит,
Как тот классический и раздражающий звонок,
Когда не знаешь, что же будет лучше...
Взять трубку или броситься в окно...

В день забытых телефонов – как нам жить?

Получил свой неожиданный билет на войну.
Получил... не понятно: зачем, почему?..
Мне со всеми ль идти? Может быть – одному?
Неустанно, телом только, волочась по дну...

В день забытых телефонов... всё пройдёт.

Так будет – пусть!

Ине Козиченковой

Терпеть остаток – считанные часы
Не перестану.
И неустанно звучат басы,
А из гортани

Поётся – телом, душа – танцует,
Кружит привычно по дну небес
И я последним, что есть, рискую...
Иначе – пусто и блекнет блеск

В очах... свет не струится...
Пусть будет так, как
Мне сказала одна шутница
О Свете, вовсе и не шутя.

И пусть из воли всё возродится,
И пусть – по вере проложен путь,
Пусть сила в духе укоренится,
Не даст в усталости мне уснуть

На веки вечные. Так будет – пусть!

Свечка

Догорает свечка. Догорает...
Но танцует ещё, под взглядами
Прогибаясь... и от дыханья
Пламя жёлтое – будто знаменье.

Догорает свеча. Догорает до
Дна канделябра... нижнего самого.
Прогибается и от дыхания,
Всё танцует под сонными взглядами.

Выключен свет: кто-то неосторожный
Гаснет под взглядом, но взглядом – Божиим.
Ведь о бетонную нежность столба
Многие гасли... не раз и не два...

Тело танцует с предсмертной агонии.
Брошено куклой в стекло лобовое.
Что нам гадать: в Рай, или в Ад...
Ведь о бетонную нежность столба

Многим ещё свечам догорать.

Бог вращает остов Земли...

Соберу я осколки памяти,
Упадёт последний листоцвет...
Поклонюсь новой жизни знамени...
Ничего прекраснее нет.

Каждый вдох – рождение новое.
Сердца стук отмеряет дни.
Силой древней, святыми основами
Бог вращает остов Земли...

Жизнь – как танец, кружев плетение...
Жизнь – как музыка старых струн...
Мне запомнить бы звукопение,
Рисовать – как символы рун.

И пусть крылья мои – скованы!..
Вырвусь я, а ты – посмотри:
Силой древней, святыми основами
Бог вращает остов Земли...

Слова, как будто насекомые...

И снова льётся волнословье,
Стекая с пальцев словно воск...
И застывает в небе сонмами
Как отпечаток мыслеформ.

Да, мысль каждая написана
На Небесах – в скрижаль времён,
А те слова, есть в коих истина
Преобретают мощь имён.

Слова, как будто насекомые
Во каменеющей смоле:
Их сразу, вдруг, во век мы не
Увидим в подлинной красе.

Лишь через сотни тысяч лет...

«Невыразимая строка ворочается, бьёт по рёбрам...»

Невыразимая строка ворочается, бьёт по рёбрам.
Так Бог испытывает мать рождением её ребёнка.
Когда бы только это знать, как механизма шестерёнки,
Но в слове есть иная стать – и разрешает бремя звонко

В начале – Слово, говорят, строки не ведавшее вовсе.
Строка – для мысли тонкий яд, крутой вираж на злом откосе.
Слова пытаюсь заплести – плетёшь себе канат страховки,
Но падаешь: слова просты, а мысль – ярче, чище, проще.

И так висит Дамоклов меч – словесная невыразимость
Над головой, пыгает речь – и душу лезвием раздвинет,
Когда порвётся волосок – на тишине густой висящий,
Тогда – умру, но станет слог, как мысль вещая – разящим.

Кубику Рубика

Да, кубику, простому до истерик,
Подобна жизнь: вся эхом, вся как дрожь...
В небес пространстве многомерном
Перемещенье мира граней – ложь...

Да, кубику, простому до истерик,
Подобна жизнь, вся разностей полна,
Как в бурной речке, что ушла за берег,
Вся испокон – нежданная волна...

Да, кубику, простому до истерик,
Многоизмеренность подобна бытия...
Ведь разрушеньем созиданье мерят.
Как степень хаоса измерит пядь ума.

Камертон

Комната повисла в тишине...
Познанным сквозит на сердце вне
Всего, что было после до
Сердца достучится камертон

До глубин, до духа с белым светом,
Оторвав своей лоскут Вселенной
Сизый дым, повисши в тиши этой,
Ото глаз сокрылся незаметным

Там, где дымом не повелевать,
Всей палитрой осени украденной
В камень гранитный высечена стать
Да раскрашена в печаль отградную

Глубже, там, где помню только я,
Где лекарством обернутся яды
В танце дух сокровище храня
На вопрос молчания вещает

Комната повисла в тишине...
Познанным сквозит на сердце вне
Всего, что было после до
Сердца так стучится камертон

До глубин за нижним самым дном,
Где душою помнится хоть что-то
И река, наполнена дождём,
Забывает русла повороты

Зазеркально видя эпизоды
Протекает маршрутом новым
До глубин за нижним самым дном
Достучался в сердце...

Осеннее

Просыпаюсь. Веки свинцовые.
Рассыпаю взглядом свет осени.
Мне б вдохнуть жизни ветра нового...
Тихо в сердце незваная гостья

Шепчет... Тише... теперь – молчание.
Не сбылись мои светлые чаянья...
Старым ветер остался... и алыми
Листьями душу режет. Всё. Пропал я.

Падаю. Ниже. Пропитан ядами.
Чем бы теперь показался ад мне?
Помню только, что жить ещё надо.
Дождь и Солнце дарят нам радугу...

И когда-нибудь, знаю, что будет,
Если Солнце помнить средь хмури...
Жизни цвет и счастья бури...
Дух покинет свинцовое утро...

13.10.2009

Ноябрит

Надо же... странный глагол – ноябрит.
Или диагноз, нестрашный, я даже не
Брит. Осень, конечно же, в каждом из
Нас свербит. Колется чем-то, а иногда

Родит, время римское этим радуя,
А на севере листья уже не падают,
Кладбище листьев, укрытое снегом-
Саваном. Так теплее. Им ждать вес-

Нырнуть в глубину зимы, остыть!
Прижимаясь вплотную к острью
Земли и, медленно-медленно до...
(Гора – я, Река – ты), отбеленный

И прозрачная, голубая; твердь не
Бесная (от касаний солнечных
Золотая), ты камню веришь —
Меня ласкаешь, острья источишь...

Фундамент дома водою жив.

Да будет Снег

И сказал Бог: «Да будет Снег», не забыв
Добавить: «Да будет Грязь». А вы
Одно с другим теперь не разделяя
Не делите ни Свет, ни Тьму, ни Пламень.

И оттого печаль в сердцах кружит
Метелью снеговою во всю жизнь.
Мы разучились разделять на
Тень и... Свет... как отделять – от...

От Грязи – Снег.

«Зима с восьмого этажа...»

Зима с восьмого этажа,
Как будто море с гор высоких.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.